

Призраки Великих озёр

Персонажи телесериала "Чип и Дейл спешат на помощь", а именно Чип, Дейл, Гайка, Рокфор и Вжик, являются собственностью компании "Walt Disney" и используются в данном производстве без всякого на то согласия правообладателя.

Данное произведение создано исключительно с целью развлечения, не преследует целью извлечение какой-либо коммерческой выгоды и распространяется исключительно свободным копированием. Если вы в какой-либо форме заплатили за данное произведение деньги, требуйте их возврата.

Несколькими годами ранее. Кладбище самолётов

— Папа!.. Папочка...

Худенькая девушка-мышка плакала навзрыд, скорчившись у стены. Тонкие плечики вздрагивали, хрупкие пальчики отчаянно скребли по холодному металлу самолётной обшивки.

— Папа... где же ты?.. где?..

Над её белокурой головкой висел мужской портрет. Лихой лётчик-мыш в кожаной куртке и пилотском шлеме ободряюще улыбался, вспушив рыжие усы.

— Папа...

За дверьми комнаты лежал на полу наушник радиостанции. Пять минут назад девушка услышала по радио жуткую весть и целых две минуты не могла поверить, что всё это случилось на самом деле...

— Мне очень жаль... — глухо сказал ей мистер Гарри Мерсер, глава компании "Ультра-Флайт". — Гиго Гаечный Ключ, ваш отец, был лучшим из лётчиков, которых я когда-либо знал. Но — увы!.. — трагедии случаются даже с лучшими из нас...

Он говорил ещё какие-то слова, что-то вспоминал, как-то пытался утешить, но Гайка его уже не слушала.

Слова, слова... Тёплые, добрые, ободряющие...

Но сейчас, когда *это* случилось, они больше ничего не значили...

— Папа... вернись ко мне...

Потрескивал подвешенный на особых опорах электрический провод. (Ещё позавчера Гиго сказал, что, похоже, сломалась электропроводящая жила, и нужно поскорее его заменить, иначе контакт нарушится, и она останутся без света, а то ещё, не приведи господь, случится пожар.) Мигала дышащая на ладан, с чёрной подпалиной на колбе электролампочка от человеческого фонарика. (Отец вчера обнаружил подпалину и посоветовал, что за новой лампочкой придётся идти в город пешком — ведь "Вопящий орёл" ещё не починен.) Надоедливо шкрябала по фюзеляжу самолёта, что стал их домом, какая-то проволока. (Папа уже третью неделю собирался полезть и отпилить её, да всё не доходили руки.)

Оглушительно лязгал стоящий в соседней комнате человеческий будильник. Рубил сверкающим топором тягучее время на одинаковые куцые секунды...

— Папа... Как же я без тебя...

Она стояла на коленях прямо на ледяном стальном полу — и не чувствовала холода.

Затянутое чёрными тучами небо равнодушно смотрело на неё сквозь прорезанное в обшивке окошко.

Валялся в углу самодельный автоген, сделанный из человеческой зажигалки. Валялись на полу забытые инструменты: молоток, отвёртка, гаечный ключ, пила, коловорот. Чернел в углу большой конденсатор; поплёскивали аккуратно сложенные в ряд транзисторы и диоды.

Гиги собирался переделать радиостанцию, повысить её чувствительность. Собирался, да так и не сделал...

— Папа...

— Привет!

Подкатился маленький робот-клоун, собранный ею ещё в детстве. Задорная улыбающаяся физиономия, короткие ручки с пухлыми пальчиками, толстенькое туловище, затянутое в пёстрый костюмчик, толстенькие ножки на колёсиках.

— Привет-привет!

Мышка подняла заплаканное личико. Клоун подпрыгнул, лихо выписал круг, снова подпрыгнул, помахал ей растопыренной пятернёй.

— Привет-привет! Как дела?

Вспышка молнии осветила его бессмысленно-счастливую улыбку.

Пшшш! Изломленный провод выплюнул сноп искр.

Пых! Тусклая лампочка ярко вспыхнула в последний раз и погасла.

Крак! Тонкая пружинка в работе лопнула, и круглая голова, не переставая улыбаться, бессильно завалилась набок...

Гайка так и не починила этого клоуна. Просто зашвырнула его в груды хлама, громоздившуюся в салоне самолёта, да так и забыла о нём. Потом, роясь в поисках деталей для своих смертоносных ловушек, иногда находила, вспоминала прежние дни, тихо плакала и осторожно клала приятеля своих детских лет на самый верх кучи, давая себе клятву когда-нибудь всё же его отремонтировать. Но это "когда-нибудь" всё не наступало, и смешная игрушка так и оставалась валяться среди кусков металла, шестерёнок, радиодеталей и проводов до следующего раза.

Когда мышка встретила Спасателей, клоун вместе со всеми её пожитками перекочевал в штаб. И продолжал валяться там, попадаясь на глаза то среди вымазанных засохшей смазкой винтов, то под горой пыльной ветоши, то в коробке с гвоздями. Вечно занятая работой, Гайка откладывала его в сторону и тотчас забывала о нём...

Настоящее время. Остров Каменный

На самом верху скалистого пригорка не росло ничего, даже травы. Лишь стлались по чёрным камням похожие на пятна высохшей масляной краски лишайники, да кое-где дрожали спрятавшиеся в трещинах тоненькие пожухлые былинки.

Тропка, идущая от самой деревни, сюда не доходила — она закончилась ещё у ветряков. Гайке пришлось сначала продираться сюда сквозь густую траву, потом перебираться через нагромождение каменных глыб, цепляясь коготками за гладкие валуны, и, когда она наконец-то добралась сюда, то совершенно выдохлась. И бессильно упала на твёрдый лишайник, тяжело дыша и утирая пот.

Она не хотела никого видеть: ни местных жителей, ни тех моряков-канадцев, что на склоне дня прибыли с юга и теперь разгружали свои суда, ни, тем более, друзей.

В последние несколько часов ей хотелось побыть одной...

Перед ней яростно шумели холодные воды Мичигана. Огромное озеро, укрытое одеялом плотной пелены облаков, всё не желало засыпать, беспокойно вздыбливало ряды пенных волн и в каком-то непонятном остервенении швыряло их на громоздившиеся у самой воды камни, на тянущийся правее широкий галечный пляж, где, упрямо сжав скулы, вставали на их пути развалины человеческого маяка.

Свежий ветер быстро высушил пот и слёзы мышки. Она уселась поудобнее и принялась пристально смотреть вдаль, в густеющую темноту.

Осталось ждать совсем недолго. Пройдёт лишь несколько часов — и тот, кого она любила больше жизни и кого уже отчаялась ждать, придёт, чтобы забрать её с собой...

Великие озёра настолько велики, что сами создают климат. Они выбрасывают в атмосферу столько влаги, что небо над ними никогда не бывает безоблачным. Они охлаждают воздух, и содержащаяся в нём влага конденсируется и выпадает на землю бурными дождями и густыми снегами. Охлаждённый воздух, опускаясь вниз, создаёт области низкого давления — циклоны, — в которые со свистом и рёвом устремляются воздушные массы с севера, из Гудзонова залива, и с юга, с залива Мексиканского, отчего на Озерах часто бушуют бури. Эти бури сильнее, страшнее и разрушительнее тех, что случаются над морями, — ведь пресная вода легче солёной; они запросто выбрасывают на берег даже человеческие суда, не говоря уже о звериных.

Великие озёра огромны. Глубокое, со свинцовыми водами Верхнее, небесно-голубое Гурон, усыпанное большими, маленькими и крохотными островами Мичиган, длинное, полностью покрывающееся льдом зимой Эри и лазурное, с обширными песчаными пляжами Онтарио — они образуют самую большую группу пресноводных озёр на Земле.

Великие озёра — место оживлённого звериного судоходства. Из Чикаго в Торонто, из Кливленда в Кингстон постоянно снуют неповоротливые барки, изящные шхуны и важные теплоходы. Немногословные канадцы везут брёвна, готовые доски, щепу, скипидар, дёготь, орехи и жёлуди, а сноровистые американцы — машины, детали, металл, пластик, цемент, овощные и фруктовые консервы, ткани и вино.

Вот и сейчас там, на другом конце острова, среди гигантских каменных валунов, в тесноватой бухточке, на берегу которой раскинулась деревня, стоят два канадских барка. Азартно кричат и забористо ругаются грузчики, выволакивающие из трюмов на берег то связку стальных ферм, то моток провода, то мешок пшеничной муки, то запаянный в полиэтилен цельный солёный помидор, а на их место затаскивающих бочки скипидара, человеческие пузырьки с клюквенным вареньем, бочонки вина, что так мастерски делает из привозной вишни хозяин местного кабачка, и прибывшие несколько дней назад транзитным рейсом из Милуоки антибиотики. А толстый, важный, с аккуратно подстриженной светлой бородой Гевин Мастерсон, хозяин деревенского магазинчика, деловито пересчитывает свёртки и ящики с заказанными им на большой земле товарами...

Счастливые! Их не гложет тоска, их не мучает совесть, их не терзает вина за содеянное. А даже когда их одолеет вызванная здешней пасмурной сырой погодой хандра, они без труда прогонят её кружкой хмельного миннесотского пива...

Днём ранее, вечер. Остров Каменный

Эрвин Флэйвор, деревенский пекарь, был сама любезность.

— Что ж вы такая печальная, мисс?.. — качал он кудлатой головой в высоком белом колпаке. — Что ж вы так кручинитесь?.. Да поправится ваш кавалер, как пить дать поправится!

Гайка сама не помнила, как оказалась в его тесноватом магазинчике, где болталась подвешенная под потолком на кривом проводе лампочка, на выстроившихся вдоль стены за прилавком полках лежали немногочисленные не проданные за день караваи, буханки, батоны и булки, а в воздухе плавал нестерпимо сладкий запах хлеба.

Впрочем, сейчас ей было всё равно, куда идти...

Флэйвор смахнул с прилавка крошки, отложил тряпку, шевельнул усом. Склонил голову, подмигнул.

— Может, сладкую булочку с травяным чайком? Булки у меня, конечно, уже не свежие, утрешние, но, как говорят селяне, они и в таком виде хороши.

— Нет, спасибо... Что-то не хочется...

Тяжело топая высокими моряцкими сапогами, в магазин вошёл высокий старый крыс. У него была большая, обрамлённая длинными седыми волосами голова, костистое лицо с мясистым носом и грустно опущенными губами и ясные, светло-голубые глаза.

Он опустил крепкую руку в карман широкого плаща, достал оттуда серую бусину и протянул её на узловатой ладони пекарю.

— Сейчас, сейчас, Фрэнк!.. — засуетился тот. — Как обычно? — и, не дожидаясь ответа, подхватил с прилавка длинный нож и одним махом отвалил от большущего каравая, испечённого из дикого овса, — обычной пищи местных бедняков — толстый серый ломоть.

— Старый Фрэнк Коуплэнд, — доверительно сообщил он мышке, когда старик ушёл. — Почитай, наш старожил. Ещё когда я был совсем мальчишкой, он уже был сед, что твой лунь. Моряк от бога, — и тяжело вздохнул: — Его жена тоже была морячкой, ходила на "Отчаянном гуроне" из

Чикаго в Бэй-Сити, да потопла вместе с судном... Давно это было... А Фрэнк с тех пор... эх!.. — и добавил непонятно: — Опять будет торчать на причале, ждать призраков...

Но тут же спохватился, торопливо переспросил:

— Нет, значит? Ну так, может, захотите потом? Заходите завтра, прямо с утра — у меня в это время как раз поспекает свежий хлебушек!

Гайка вышла на улицу. Посторонилась, пропуская тележку с толстопузой бочкой (тележку вез грузный, габаритами как Чип с Дейлом разом, бурундук, а в бочке, судя по запаху, был скипидар). Обошла торговца дровами, развалившего свой сучковатый товар прямо на тротуаре. Протиснулась сквозь толпу сборщиков, устало бредущих по тропе сверху, с горы, гружёных тяжёлыми мешками с орехами и тюками с травой, — не иначе, возвращавшихся с промысла. Пересекла улицу и свернула на другую, ведущую к пристани и заканчивающуюся с приземистого домишки с вывеской в виде вырезанной из жести пивной кружки.

Какой-то зверь, малорослый мыш в смешных круглых очках, подскочил к ней, затараторил, зазывая посетить "наше деревенское заведение, можно сказать, настоящий клуб по интересам". Кажется, она сказала "да, пойдём"...

Мышке было всё равно, куда идти.

Перед её глазами всё стояло бледное лицо Чипа и страшная кровавая рана на его лбу...

Утро того же дня. Остров Каменный

— Гаечка, милая, ну сколько можно! — сердился добрейший Рокфор. — Ты же говорила, что всё будет работать без проблем... тьфу! тьфу! тьфу! чтоб не сглазить!.. а оно видишь что!

Гайка виновато опустила ушки.

— Прости, Рокки!.. Наверно, проявился скрытый дефект в обмотке статора... или в транзисторах управляющей схемы... или в аккумуляторах...

Злой, как стая бешеных кошек, Чип с треском натянул шляпу на макушку.

— Я неоднократно говорил тебе, Гайка, чтобы ты тщательнее проверяла свои изобретения! — принялся выговаривать он, тыча пальцем в двигатель "Крыла", всё ещё дымящийся и источающий вонь горелой изоляции. — Мы уже в какой раз чуть не погибли из-за твоей безответственности!!!

— Да! — подскочил Дейл, сверкая белым от злости носом. — Я чуть не сломал себе шею!

А Вжик заметался над его головой, размахивая сжатыми кулачками и вопя. Из его воплей можно было понять лишь, что отныне он и ногой не ступит в кабину Спасательского самолёта, а будет летать исключительно на своих двоих.

— Ещё слава всевышнему, что второй движок остался жив, и мы всё-таки кое-как приземлились на этом островке, — добавил австралиец. — Только с одним мотором мы отсюда не улетим — это уж к бабке не ходи!..

— Боюсь, что новый двигатель мы найдём лишь в Чикаго... — ледяным тоном ответил командир. — До которого ещё нужно как-то добраться... Ладно! — он снова дёрнул шляпу за по-

ля. — Пойду спрошу у местных обитателей, как называется этот остров, и на что мы можем здесь рассчитывать.

И направился к двери ангара.

Секунду спустя Дейл, почуяв донёсшийся откуда-то запах свежей выпечки, распустил слюни до самого пола, выгреб из кармана все наличные бусины и медные звериные центы и припустил за старым другом.

— Я с тобой!

Мышка беспомощно посмотрела им вслед.

— Ну, чего мы тут торчим?.. — неласково буркнул Рокфор. — Давай снимем мотор, посмотрим, что можно сделать! — и прибавил уж совсем зло: — А ты говорила: без проблем...

Нужно отметить, что повышение напряжения, питающего двигателя "Крыла", было крайне рискованной идеей. Неудивительно, что остальные Спасатели были резко против.

— Это позволит существенно увеличить скорость, потолок и грузоподъёмность самолёта! — с жаром убеждала Гайка друзей. — Что, в свою очередь, позволит нам летать быстрее, выше и брать с собой больше снаряжения и пассажиров.

Чип взвёл глаза горе.

— У меня другое предложение, — заявил он. — Давайте ничего не будет повышать, что гарантированно позволит нам не разбиться в лепёшку.

— Парень прав, Гаечка, — Рокфор опасливо посмотрел на уже приготовленную мышкой грудку деталей. — А ну как погорит движок, и мы хряпнемся с высоты!

Вжик пискнул что-то с озабоченным видом.

А Дейл нервно подёргал хвостом.

— Я не хочу в лепёшку... — и на всякий случай отодвинулся от "Крыла" подальше.

Гайка прижала руки к груди.

— Поверьте, друзья, это будет нам лишь на пользу! Я ведь хочу как лучше. И я уверена, что смогу не допустить перегрева обмоток у двигателей, встроив в управляющую схему особую предохранительную цепь. Без проблем!

Австралиец пугливо подскочил.

— Ну вот... Она опять это сказала...

Спасатели как раз завершили расследование сложного дела в канадском городе Тандер-Бей, куда их пригласил один из многочисленных знакомых бравого австралийца. Дело было успешно раскрыто, похищенное — возвращено владельцам, а преступники — препровождены в местную звериную тюрьму, где и пребывали в настоящее время, ожидая суда.

Горожане устроили в честь Спасателей настоящий праздник. Сам мэр преподнёс им выправленные на гербовой бумаге свидетельства о признании их почётными гражданами Тандер-Бея. Местный духовой оркестр сыграл в их честь канадский и американский гимны, а местная кантри-группа "Бенни Рейнольдс и Обалдуи с озера Верхнего" исполнила только что написанную посвящённую им песню. А потом был званый обед, после которого наши герои проспали до полудня...

Гайка всё-таки уговорила друзей и внесла изменения в схему самолёта. Они успешно взлетели и успешно пересекли границу. Правда, потом сильный ветер снёс их к востоку, к северной оконечности озера Мичиган, но особых причин беспокоиться не было, так как двигатели работали, и "Крыло" успешно подвигалось на юг.

А потом перегорел правый двигатель...

Было просто чудом, что как раз в этот момент они пролетали над островом, населённом зверьми. Сидевший за штурвалом Дейл дико завопил, но всё же сообразил выкрутить до отказа регулятор тяги...

Они грохнулись на посадочную площадку с такой силой, что шасси жалобно затрещало. При этом они едва не зацепили стоявший там же доисторический почтовый вертолёт и до смерти перепугали местных обитателей. Кое-как успокоив яростно сверкающего очочками и мечущего грома и молнии радиста, она закатали самолёт в ангар.

Где и пребывали сейчас, думая, что же делать...

— Ох ты господи боже мой!.. — пыхтел силач, едва удерживая электродвигатель. — Ох... да какой же он неподъёмный!..

— Ещё секундочку, Рокки! — суетилась мышка, выкручивая последний винт. — Ещё поддержи секундочку, пожалуйста!

— Да я-то держу... держу... ох!.. фу-у-у...

Кто-то затопал за их спинами. Вившийся под потолком Вжик предостерегающе пискнул.

— Э-э-э! — забасил вошедший. — Погоди!

Это был высокий мускулистый селянин-белка. Он в два шага подскочил к самолёту и подставил широченное плечо под грозивший упасть мотор.

— О-о-о! — Рокфор громко хрустнул спиной. — Спасибо тебе, верзила! А то я уж думал, что эта бандура сплющит меня...

Гайка наконец-то открутила последний винт.

— Поставьте его где-нибудь!

Бух! Двигатель со стуком упал на пол.

Селянин склонился над ним, почесал граблеобразной ручищей в заросшем затылке.

— Так он у вас совсем сгорел, — авторитетным басом сказал он. — Всё!

— Да мы уж поняли... — старый путешественник всё никак не мог отдышаться. — О-о-ой!.. Что ж теперь делать с ним?..

— На помойку, — сочувственно ответил верзила. — Помойка во-о-о-он там. Давай мне — я в один секунд донесу!

А Гайка всё сидела на крыле, сосредоточенно глядя в потолок и шепча себе под нос.

— Думаю, я смогу переместить оставшийся двигатель в центр фюзеляжа и увеличить питающее его напряжение таким образом, чтобы он смог поднять "Крыло" в одиночку, — произнесла наконец она. — Так мы сможем, по крайней мере, долететь до Чикаго, где сможем найти новый двигатель.

В простодушных синих глазах селянина отразилось непонимание, смешанное с благоговением.

Рокфор же был совсем не в восторге:

— Ты уже повышала напряжение! — проревел он. — Вот, — ткнул пальцем в продолжавший дымиться сгоревший мотор, — чего добились. Хочешь спалить второй?

— Нет, нет! Рокки, пожалуйста... пожалуйста, поверь мне! Я смогу... я справлюсь... без проблем! Я справлюсь за пять минут! Помогите мне, пожалуйста!..

Не прошло и пяти минут, как исправный двигатель с помощью Рокфора и добросердечного джонго селянина, назвавшегося Эдом, был установлен на фюзеляж, сразу за пилотской кабиной, и крепко примотан прочной проволокой, нашедшейся в ангаре, а управляющая электронная схема, скрывавшаяся за боковой панелью, пополнилась несколькими новыми деталями.

— Ну хоть на этот раз ты уверена? — хмуро проворчал Рокфор, с недоверием рассматривавший торчавший из схемы транзистор.

— Конечно, уверена, — Гайка поставила боковую панель на место. — Включаем!

Она легко вскочила в кабину и положила руку на выключатель питания.

— Это остров Каменный, — послышалось у дверей. — Местные жители поддерживают регулярное сообщение со всеми крупными портами Мичигана, но, к сожалению, привезти новый двигатель смогут лишь через две недели — не раньше. Так что мы застряли здесь надолго... Хм! Что вы делаете? Гаечка! Что это?

Это был Чип. Как всегда, спокоен и деловит.

Следом за ним вошёл Дейл. Он с блаженным видом уплетал пухлый пончик; густое варенье вытекало сквозь прореху и обильно орошало грязный пол.

— Мммф? — только и смог выдавить красноносый бурундук.

А Гайка уже поворачивала выключатель.

Р-р-р-ррррр!

Двигатель рычал, как тигр. Лопасты воздушного винта слились в один сплошной круг.

Мышка сияла:

— Вот видите! Я же сказала, что всё будет работать без проб...

Она так и не успела договорить.

Гайка, крепившая винт на валу мотора, открутилась. Винт со свистом подлетел к потолку ангара, перекувыркнулся, сверкая лопастями, словно остро отточенными ножами, отвесно рухнул вниз и вонзился в пол в какой-то паре дюймов от бросившегося на пол австралийца. Эд, взмахнул ручищами, схватил в горсть перепуганного до смерти Вжика и отшатнулся к стене.

Двигатель поперхнулся, выплюнул клуб едкого дыма, сквозь который пробивались языки пламени, и смолк.

В наступившей тишине раздался отчаянный крик Дейла. Весельчак стоял на коленях у распростёртого на полу Чипа и задыхался от рыданий.

На голове командира Спасателей зияла жуткая кровавая рана, нанесённая отскочившей от потолка гайкой...

Настоящее время. Остров Каменный

Туман напал незаметно. Ещё полчаса назад вдали явственно виднелся крошечный необитаемый островок, представляющий собой торчащую из воды скалу и носящий игривое название Зубоскал, — и вот его уже затянула зыбкая призрачно-серая дымка. Она медленно, но неумолимо надвигалась, поглощая пространство; ещё пара часов — и она поглотит весь остров.

И настанет час призраков...

Озеро наконец-то уgomонилось. Волны уже не бились с размаху о прибрежные камни, о полуразрушенные стены маяка, а лениво плескались у их подножия. Неумолчно голосившие чайки тоже успокоились и куда-то улетели. Стояла торжественная тишина, нарушаемая лишь шёпотом воды и шумом ветра.

Гайка всё так же сидела на жёсткой подушке лишайника, всматриваясь в горизонт.

Скоро, совсем скоро напалёт туман. И из густой пелены выплывет точёный силуэт ведомого весёлым рыжеусым лётчиком гидроплана...

Несколькими годами ранее. Кладбище самолётов

Сломавшийся робот-клоун навзничь лежал на полу. Освещённое пробивавшемся из салона светом ярко раскрашенное лицо продолжало бессмысленно улыбаться.

Гайка вытерла слёзы. Подобрала под себя затёкшие ноги, села поудобнее.

Ещё две молнии рассекли клубящийся за окном мрак. Накатился гром, наполнил собой гулкое пространство старого, ещё времён Последней войны, самолёта.

Снаружи послышались крики. Это многочисленное и на редкость шумное семейство Пирелли, обитавшее в лежавшем по соседству старом истребителе, возвращалось домой. Их повозка, склеенная из всякого мусора, немилосердно гремела.

Сейчас, наверно, начнут барабанить в дверь, наперебой предлагать свой товар: дешёвую одежду, пластиковую посуду, копеечные украшения. И не отвяжешься от них никак!..

Они ведь не знают, что папа ушёл в рейс...

Папа...

— Что, маленькая? Что, мышка моя синеглазая?

Папины руки покрывали жёсткие мозоли. Он был мастером на все руки: сам мастерил домашнюю утварь, приборы, технику, даже мог собрать настоящий самолёт. И собрал — в задней части фюзеляжа, за перегородкой, где оборудован ангар, стояло детище его рук — "Вопящий орёл". Правда, сейчас он был не на ходу — во время последнего полёта что-то случилось с рулём направления...

— Что с тобой? Кто тебя обидел?

Гайка всхлипнула.

— Родж и Нэд опять меня прогнали! — тихо произнесла она. — Сказали, что я зануда, чокнутая и помешанная на железках!..

Папа подхватил её — десятилетнюю, маленькую, невесомую. Посадил на колени, твёрдой от мозолей ладонью легко провёл по золотым волосам.

— Не плачь... Ну их всех!..

Папин носовой платок пах машинным маслом. Девочка жадно вдыхала этот самый сладкий на свете запах, пока папа вытирал ей слёзы.

— Родж? Это, часом, не та длинная дубина, у которого из рук всё валится? Хе-хе! Нашла кого слушать... Да он и гвоздя не забьёт в доску, не переломав себе все пальцы!.. Нэд? Ну да, помню этого мордатого олуха — это он ведь месяц назад по дурости чуть дом не спалил... А ты — великая изобретательница, самая знаменитая в наших местах. Какого шикарного клоуна ты смастерила, у-у-у! Я бы такого не сделал!..

Его пышные усы мягко щекотали её поникшее ушко.

— Не плачь, Гаечка, крошечка моя! Не плачь... Вот вырастешь, станешь всемирно знаменитой, и все-все, даже великие учёные, будут целовать тебе ручку и называть "уважаемая мисс", — и лукаво подмигнул: — Или "миссис", если к тому времени у тебя появится законный муж!

Мышка покраснела.

— Ох ну какие же мы скромники... — улыбнулся папа. — А вот посмотри, что я привёз тебе в подарок!

Он опустил руку в карман лётчицкого кожана и достал...

— Ой, папа, папочка! Что это? Моторчики?

— А то! — важно отвечивал он. — Слямзил на работе — "Ультра-Флайт", наша компания, богатая, авось не обеднеет!.. Ну, я, конечно, предупредил начсклада — он мой старинный приятель, разрешил... А ты теперь сможешь сделать свой вертолётик.

— С радиоуправлением?

— Знамо дело!

Ласковое солнышко, проникая в окно, высушивало её последнюю слезинку...

Днём ранее. Вечер. Остров Каменный

— Кто там опять смолит? Эй! Мэл, ты, что ли?

Сидевший за столиком у окна высокий крыс в непромокаемом плаще и вязаной матросской шапчонке смутился. Раздавил толстую самокрутку в бутылочной крышке, служившей пепельницей.

— Здесь дама! — внушительно провозгласила Гренадерша. И утёрла ручищей пышные седые с прочернью усы.

Её так и звали — Гренадершей. Высоченная широкоплечая крыса в клетчатой рубашке и плотных штанах — обычной одежде деревенских добытчиков, никогда не расстававшаяся с длинным тяжёлым ножом, что висел в ножнах на её бедре. Из кармана рубашки высовывалась большая, глиняная, чёрная от табачной копоти трубка.

Один из моряков, чья компания оккупировала столик в углу, с усмешкой покачал головой:

— Вот ведь баба... Любого мужика за пояс заткнёт...

В этот вечерний час кабачок был уже полон. Вернувшиеся с промысла добытчики, моряки, мастеровые, даже местная власть в лице головы, деревенского патрульного и врача собрались здесь после трудного дня промочить горло парой кружечек хмельного.

Хозяин кабачка, носящий чудное имя Дьюла, полный коротышка с обширной лысиной, окружённой пучками совершенно седых волос, протёр очередную кружку, поставил на прилавок. Глянул на мышку из-под густых белых бровей светло-кариими глазами.

— Может, винца, мисс? Вишнёвое, сладкое, как мёд, так и греет душу! Вишню мне привозят с большой земли, а уж ставлю его я сам.

Гаечка покачала головой. И снова уставилась в чашку кофе.

— Да выздоровеет ваш друг, — снова заговорил Дьюла. — Выздоровеет! Наш док ему такой отвар сварил из лесных травок — всякую хворь выгонит и рану затянет!..

Худосочный малорослый мыш, что завлёл Гаечку сюда, сидел рядом с рюмкой вина. Он церемонно отрекомендовался Мартином Шепардом, местным механиком, и настойчиво попросил называть его либо полными именем, либо по фамилии, но уж никак не "Марти". На нём был потёртый пиджачишко, а на колючем носу кособоко сидели связанные проволокой круглые очки.

Услышав слова матроса, Шепард дёрнул костяным кадыком, поставил рюмку на прилавок и принялся разглагольствовать:

— Авторитетно заявляю, что наш Джонни... ой! прошу прощения... мистер Блиш, лучший на всех островах лекарь! Пользуясь весьма скудными средствами, как-то произрастающими в лесу и на россыпях травами, он буквально творит чудеса. Не далее как месяц назад молодой Уоткинс свалился с дерева и сильно ушибся. Помните ведь, уважаемые селяне?

В ответ раздался гул голосов:

— А то!

— Ка-а-ак брякнется!..

— Мы уж думали — всё парню...

— Вот именно! — механик поднял кривой палец. — Мы думали, что бедняга, так сказать, окончил свой земной путь. Но Джонни... прошу прощения, мистер Блиш... отправился в лес, принёс мешок только ему ведомых трав, выгнал всех с кухни, чтобы не совали носы куда не надо, и принялся священнодействовать...

— Выгонять пришлось одного тебя, Марти, — врач поднял лицо, блеснул большими очками, улыбнулся в бородку. — Иначе ты бы точно обварил себе нос в кипятке.

Тесное помещение содрогнулось от дружного хохота. Висевшая под потолком на кривом проводе лампочка заколыхалась; жёлтый круг отбрасываемого ей света суматошно заметался туда-сюда.

Но Гаечку ничего не могло утешить...

Что она здесь делает? Зачем пришла сюда, в компанию этих весёлых беззаботных зверей? Зачем она нужна им?

Гренадерша ласково положила на плечо Гаечки мозолистую ладонь.

— Не кручинься девочка, моя!.. Лучше расскажи, кто ты, откуда и чем занимаешься. Я слыхала, ты изобретательница...

Какая она изобретательница... Её изобретения вечно ломаются и уже не раз чуть не стали причиной гибели друзей...

Её изобретение убило Чипа...

Кофе в чашке совсем остыл. Мышка бездумно пригубила его, бездумно сделала глоток.

Шепард резко повернулся и едва не свалился с высокого стула.

— Попрошу не приставать к моей даме! — совершенно пьяным голосом потребовал он. — Это я пригласил её!

— Не пристаю, не пристаю... — недовольно буркнула громадная крыса. — Только ты уж, друг сатиновый, сам развлекай девушку! А то она у тебя уже скучает...

— Ты когда большой ветряк починишь, явление природы? — густо пробасил деревенский голова, толстый, неповоротливый дядька-белка с разметавшейся наподобие гривы пышной копной волос и мясистым красным носом. — Мне уже добрые две недели жалуются, что он на даёт в сеть всю мощность. Третьего дня вон аж лесопилка встала!

"Явление природы" с залихватским видом вылило вино в рот. Поставило рюмку на стол, сделало знак Дьюле, который с недовольным видом наполнил её из большой бутылки.

— Починю... почи... ик... но... Скоро... завтра...

И повернулся к Гайке.

— Не кручиньтесь, уважаемая мисс! Ваш друг выз... выздоро... веет. Наш лекарь сварит из него отвар и даст траве... то есть наоборот...

И смущённо смолк, и снова махом опрокинул рюмку.

А перед Гаечкой снова возникло белое, как мел, лицо Чипа с закатившимися глазами...

Днём ранее. Полдень. Остров Каменный

— Живой... — всхлипнул Рокфор. — Живой, дружище... парнище... жив, малыш мой!..

И заплакал навзрыд, не стесняясь ни собравшихся рядом друзей, ни стоявшего неподалёку совсем растерявшегося Эда.

Вытянувшийся неподвижно на полу командир Спасателей издал слабый, едва слышный стон.

Крохотная холостяцкая хижинка, где жил Эд, находилась у самого аэродрома. Туда-то и перенесли Чипа. Положили его на принадлежавшую хозяину узкую койку, укрыли украшенным заплатами одеялом.

— Нужен лекарь, — с озабоченным видом сообщил хозяин хижины, рассматривая рану на лбу бурундука. — Я не умею лечить. Я даже примочки к синякам ставить не умею. А лекарь наш всё умеет, он очень умный.

И, прежде чем наши герои успели сказать хоть слово, быстро ушёл.

— Вероятно, он отправился искать лекаря, то есть врача... — робко предположила мышка.

Рокфор раздражённо дёрнул ухом. Вжик глянул на неё и тотчас отвернулся. А Дейл прошипел:

— Это всё из-за тебя. Из-за тебя и твоих изобретений.

В его словах было столько злобы, что Гаечка даже отшатнулась.

— Но я... но ведь... это ведь... это случайно... Я не хотела... я всего лишь...

Красноносый яростно брызнул слюной:

— Ну да, ну да!.. Хотела как лучше... "Без проблем"... "Должно работать"... Знаем, слышали сто раз!..

А Рокки, добрый милый Рокки, угрюмо бросил ей:

— Помолчи уж!.. Мастер-ломастер... Не видишь, что ли, — наш друг совсем плох...

Чип снова зашевелился на койке, застонал. Из раны снова ручьём хлынула кровь.

Бывалый путешественник решительно утёр слёзы и принялся отдавать распоряжения:

— Дейл, найди чистую тряпицу, намочи в воде, только в холодной, и принеси сюда. Вжик, полетай по округе, поищи подорожник, чтобы приложить к ране. Да, сдаётся мне, подорожником не обойдёшься — у малыша, похоже, сотрясение...

Дейл, громко топоча, умчался на кухню. Вжик с готовностью отдал честь и пулей вылетел в окно.

— А что делать мне? — в последней надежде спросила мышка.

— Не мешай, — голос её толстого друга был ровным и холодным, как лёд. — А лучше — вообще проваливай! Глаза б мои тебя не видели...

Мелкий нудный дождь всё сеял и сеял. Плюхал по раскисшей тропке, ведущей от хижины Эда к аэродрому, по мощёной плоскими камнями дорожке, что тянулась к деревне, по выложенных деревянными плитами тротуарам. Шуршал в травинах, росших по краям тропки и на специально устроенных на деревенской площади газонах. Громко, до боли в ушах, барабанил по жестяной трубе водостока, что шла по склону, на котором располагалась деревня, до самого берега.

Босые ножки Гаечки брели по ледяной воде — и не чувствовали холода...

Она впала в какой-то транс. Смотрела на мир широко раскрытыми глазами, ничего не видя. Лишь мгновениями её сознание просыпалось, откладывая в памяти картины деревенской жизни — такой недостижимо мирной.

Вот большой лодочный сарай на берегу. Такой же большой, крепко сбитый баркас с мачтой, на которой косо повис заплатанный парус. Трое дюжих матросов, скинув плащи и оставшись в свитерах, таскают с баркаса тяжёлые мешки...

Вот тележка, доверху гружёная дровами. Худенький крысёнок-подросток изо всех сил налегает на ручки. Колесо наезжает на камешек; тележка подскакивает, и дровины с грохотом вываливаются на деревянную мостовую...

Вот узенькая тропка среди густой травы. Впереди — дружная россыпь опят; двое подростков, мыш и бурундук, спрятались под одним из них от дождя. А над ними рассыпались поздние цветы — яркие пятнышки жизни на фоне свинцовых туч, последний привет от беззаботного лета...

Вот лес. (И как мышка здесь оказалась?..) Суровые сосны, раскинувшие в запредельной высоте свои непроницаемые кроны, весёлые нарядные осинки на прогалине в компании стройного щёголя-клёна, а под ними — униженный бусинками-ягодками можжевельник, выставивший землю сплошным тёмно-зелёным ковром. Пышный папоротник раскинул во все стороны ветки, похожие на перья. И пухлый дождевик на стволе; просачивающиеся сквозь сосновую крону капельки падали на него, выбивая лёгкие облачка спор...

Вот артель добытчиков. В руках — тяжёлые ножи, чтобы шелушить шишки, на ногах — высокие непромокаемые сапоги, за плечами — туго набитые мешки и тюки связанной в пуки травы...

Вот стайка детишек. Бегают друг за другом, пищат на весь лес. Счастливы играют, не обращая внимание на дождь...

Вот галечный берег. Последние капли дождя звонко разбиваются о гальку. Серые волны накатываются на камни, на громоздящиеся у самой воды руины старого маяка. Ветер доносит мелкие брызги, и Гаечка бездумно слизывает с губ холодную безвкусную влагу...

Уже наступил вечер, когда она вновь оказалась в деревне, в магазинчике мистера Флэйвора. И сама не помнила, как туда попала...

Днём ранее. Вечер. Остров Каменный

— Канадцы опять опаздывают, — проговорил один из моряков. — Застряли в Чикаго, не могли дожждаться транспорта с мукой. Обещаются быть завтра лишь после обеда.

— Ну, зато когда придут, засядут в кабаке до самого утра, — ответил второй. — Всё пиво, хе-хе, вылакают!

— Когда же они заберут гидропирит?.. — третий стукнул кулаком по столу. — Уже третью неделю лежит у меня в сарае, протухнет скоро...

Врач отставил кружку, задрал рукав куртки, посмотрел на часы. Решительно отодвинул стул, поднялся на ноги.

— Пойду ещё раз проведаю нашего больного, — сказал он. — Посмотрю, подействовало ли моё лекарство.

— Если что нужно, ты только скажи — вмиг выведем баркас, сходим на Большой остров в тамошнюю аптеку, — предложил Мэл. — Обернёмся за пару часов — не больше!

Врач поблагодарил шкипера и сказал, что в случае чего обязательно обратится к нему за помощью. И вышел.

А Гаечка продолжала сидеть, уставив взгляд в прилавок и сжимая в пальцах чашку холодного кофе.

Что она здесь делает? Ведь она должна быть там, где застыл в беспамятстве Чип, сидеть рядом, сжимать его неподвижную руку, ловить каждый едва слышный вздох и ждать, и надеяться на лучшее!

А даже если друзья её и прогонят...

Нет! Даже не думай об этом, Гайка! Они не прогонят тебя!

Ведь они — твои друзья, несмотря ни на что...

— Извините! Простите, пожалуйста!

Она соскочила со стула. Положила на прилавок монетку.

— Извините, но мне нужно идти!..

Пьяный Шепард поднял сонную физиономию:

— Я вас провожу, мисс...

И так свалился на пол.

Гренадерша со вздохом шагнула, подняла бесчувственного механика. Ввалила его на плечо, пробормотала что-то в адрес "недвижимого имущества"...

Но мышка уже была на улице.

Непроницаемый туман клубился над озером, над дощатыми причалами, над улицей, ведущей в деревню. Дышал холодом и сыростью, глушил звуки, скрадывал очертания.

На причале, окутанная серой пеленой, чернела чья-то тень. Какой-то зверь стоял на самом краю помоста.

Что он делает? Неужели хочет прыгнуть в воду, покончить с собой?!!

Гайка всё ещё оставалась Спасателям. А Спасатели не только борются со злодеями...

— Эй! Стойте! Подождите!

Она бросилась к незнакомцу.

Это был старый Фрэнк, которого она уже видела в магазине мистера Флэйвора. Он стоял очень прямо, закутавшись в плащ, и пристально вглядывался в густой мрак.

— Стойте! Нет! Стойте! Не делайте этого!

Услышав её крик, старик обернулся. В глазах его застыла давняя печаль, а голос был на удивление чист и ясен.

— Вот, жду свою милую... Жену мою, Бетси... Может, придёт, а может... — и не договорил.

Прелестная изобретательница удивилась, даже отступила на шаг.

— Что-то, простите?

Фрэнк тепло посмотрел на неё.

— Вы же с того самолёта, мисс... — и улыбнулся. — Вы ещё ничего не знаете...

Великие озёра полны тайн.

По их водам носятся безлюдные, брошенные своими экипажами суда. Зловещими силуэтами возникают они в ночном мраке, проносятся мимо на всех парусах и исчезают бесследно. И вздрагивает от ужаса экипаж повстречавшего их корабля, и молится в отчаянии — ведь появление такого мёртвого судна не предвещает ничего хорошего...

По берегам Великих озёр стоят брошенные дома. Бессмысленно пляшут на окружающим мир слепые окна, словно жадные пасти раззявлены пустые дверные проёмы. На стенах висят фо-

тографии давно умерших и ныне никому не известных людей; старая фотобумага почти выцвела, и на многих карточках уже вообще ничего невозможно разобрать. На столах стоит приготовленная для обеда кухонная посуда, а на полу, если хорошенько счистить слой многолетней грязи и пыли, можно увидеть лужи крови...

Великие озёра жестоки. Каждый год они собирают страшную дань — звериные жизни. Каждый год сотни, если не тысячи, зверей гибнут в этих местах — пассажиры и экипажи погибших судов и самолётов, утонувшие пловцы, обитатели домов, стоявших слишком близко у берега и смытых разбушевавшимися волнами. На каждом зверином кладбище можно найти множество пустых могил — по старинному обычаю их устраивают всем сгинувшим бесследно.

Но в сентябре наступают два дня, когда Великие озёра милостиво отпускают свои жертвы. Невесомыми призраками, окутанными осенним туманом, они возвращаются в родные места.

Они приходят из мутной пелены поздно вечером, почти ночью, когда над озером сгущается туман, и вечно беспокойная вода замирает в странном оцепенении. Они плывут по воздуху — и над водой, и над сушей, но никогда не заходят в дома. Чаще всего их можно встретить здесь, на причале; иногда — на деревенских улицах, в лесу и даже, как говорят, на противоположном обрывистом берегу острова (хотя там нет и никогда не было никаких поселений).

В первый свой приход они просто бродят там и сям, но от живых держатся на расстоянии. А во второй приход, следующим вечером, напротив, ищут встречи с живыми — с родственниками, друзьями, любимыми...

— Как-то Бетси в шутку сказал, что, если, не дай бог, с ней что случится, — голос Фрэнка совсем стих, — то придёт ко мне вот так, призраком. Придёт и позовёт с собой...

Он переступил с ноги на ногу. Качнулся вперёд, будто хотел прыгнуть в воду прямо сейчас.

Мышка отчаянно вцепилась в его бушлат:

— Нет! Подождите! Не делайте этого!..

И смолкла, и застыла на месте, и даже забыла разжать пальцы.

Прямо из туманной пелены на неё наплывал корабль...

Это был обычный озёрный бриг, из тех, что до сих пор десятками курсируют между близлежащими островами и берегом. С двумя мачтами, на которых громоздились полотнища прямоугольных парусов, — больших снизу, поменьше сверху, с похожим на крыло треугольным парусом, туго натянутом между передней мачтой ("фок-мачта" — вспомнилось мышке её название) и длинным носовым брусом-бушпритом. С высокими бортами, из-за которых едва виднелась приземистая кормовая рубка. С грузом, сваленным прямо на палубе и прикрытым плотным брезентом.

Вот только не хлопали на свежем ветру паруса, не скрипели мачты, не разносились над водой зычные команды шкипера. Молча двигалось судно, без единого звука рассекая форштевнем воду.

Какая-то фигура стояла у борта, прочно расставив ноги и крепко схватившись руками за снасти. В длинном брезентовом плаще, конусообразной непромокаемой шляпе, плотных дерюжных штанах и прочных башмаках с квадратными носами — обычной одежде здешних моряков.

Из-под шляпы выбивались, рассыпались по узким плечам длинные светлые волосы.

— Бетси... — выдохнул старый Фрэнк и качнулся вперёд.

Женщина широко раскрыла глаза. Метнулась ему навстречу, протянула руку в толстой вязаной перчатке. Что-то произнесла беззвучно, улыбнулась, вытерла слёзы...

— Милая моя... ласточка моя... сердечко моё... — лепетал старик, всхлипывая, как ребёнок. — Погоди... не уходи... не оставляй меня... приди... приди ещё...

А бриг уже разворачивался, вздувал паруса и, лихо накренившись на борт, уходил в туман. И другие суда уже приходили ему на смену, и не было им числа.

Вот важно шествует пароход начала прошлого века — широченный, с тремя палубами, большой белой трубой и двумя гребными колёсами по бортам. Неспешно вращаются колёса, мерно поднимаются к небу клубы призрачного дыма, ветер развеивает флаги: звёздно-полосатый — национальный и пёстрый — пароходства. Нарядные пассажиры неспешно прогуливаются у бортов, а на мостике стоит, важно выпятив грудь, рулевой с лихо закрученными усищами и неизменной рубкой в зубах.

Вот красавец-клипер — кипельно-белая груда парусов на стройных мачтах. Лихие матросы рассыпались по вантам, старый боцман, надув красные щёки, дудит в блестящую медную дудку, а на высокой корме прохаживается капитан в тесном кителе с яркими нашивками и щегольской белой фуражке.

А это что? Плот, сделанный из коры. Кособокая мачта с треугольным парусом, кое-как слепленный из палочек и кусочков жести руль. На плоту — несколько зверей, совсем-совсем ещё дети!..

А это что?..

Гаечкино сердечко на мгновение остановилось.

Мимо причала проплывал гидроплан. Тот самый!

На стремительно-длинном фюзеляже горела золотом эмблема "Ультра-Флайт". Фонарь кабины был откинут; пилот, привстав с сиденья, пристально смотрел на неё ясными голубыми глазами...

— Папа?..

Несколькими годами ранее. Кладбище самолётов

Макет злосчастного самолёта стоял на столике у двери; свет из салона падал прямо на него. Стремительно-длинный фюзеляж, так не похожий на фюзеляжи обычных винтовых самолётов, острый нос, похожий на иглу, треугольные крылья, вытянувшиеся почти до самого хвоста. Длинная труба реактивного двигателя с резко расширяющимся соплом, подвешенная на пилоне. Разлапистое шасси — пробковые лыжи, в которых прятались обычные колёса: новое творение "Ультра-Флайт" могло садиться как на сушу, так и на воду.

Гайка поднялась на затёкшие ноги. Покачнулась, едва успела ухватиться за стенку. Подошла к столику, коснулась пальчиками макета...

Ей показалось, будто под слоем пластика что-то толкнулось, будто ударило крошечное сердечко. Ударило и тотчас смолкло...

Бум! Бум! Бум! Бум!

В чём семейство Пирелли уж точно нельзя было упрекнуть — так это в недостатке целеустремлённости. Если уж они надумали всучить своё барахло кому-нибудь, так не отступятся ни за что, будут барабанить в дверь руками и ногами, пока им не откроют...

— Фу-у-у... — Гиго картинно утёр пот. — Еле выпроводил этих проклятых торгашей... Пристали, ну чисто лишай!..

И, склонившись над поглощённой работой дочерью, ласково погладил её по голове:

— Трудисься, звёздочка моя?

Гайка отложила отвёртку.

— Парсонсы попросили проверить генератор от ветряка, — сказала она, наморщив лобик. — Сказали, что он почему-то заедает.

— Мастерница ты моя... Ох!..

Скрипнул колченогий стул — бравый лётчик устало сел и шумно выдохнул.

— Фу-у-у... Замордовался... Сегодня опять воевали с двигателем для нового гидроплана, того самого, реактивного. Не могли понять, почему он, неладный, не выдаёт полную тягу... Так и пришлось звать из отпуска самого Джека Олсона, нашего главного инженера по двигателям, моего старинного друга. Ну, уж он-то враз понял, в чём загвоздка! Чтоб дружище Джекки не смог заставить работать какой агрегат — да такого и быть на свете не может!..

И помолчал, и пошевелил задумчиво пышными усами.

— Вот отчего я волнуюсь, доченька, — вдруг сказал он. — Всё-то ты одна да одна... Ни друзей у тебя нет, ни кавалера...

— У-у-у... — Гаечка недовольно дёрнула плечиком.

— Пора бы уже, а? — отец привстал, снова погладил её по голове. — Лет-то тебе сколько? Вот-вот... Мартина Пирелли вон годом моложе — а сколько у неё ухажёров! Так и бегают табуном, глазищи выпучены, слюни до самой земли, проходу не дают... Ну, ладно, бог с ними с ухажёрами — это успеется... А друзья? Одной, без друзей на свете тяжело тебе будет... Друзья и помогут, и поддержат, и придут на помощь, если, не дай бог, что случится. Я сам и не знаю даже, чтобы делал без друзей — без Джекки, без Кёрта, без Томми, без старины Рокфора...

— Ты же поругался с ним, — недовольно напомнила мышка, пытаясь открутить неподатливый болт. — Два дня назад, из-за того случая на Занзибаре.

Гиго смущённо хмыкнул, шевельнул бровью.

— Ну-у-у... такое бывает... Друзья тоже иногда ссорятся... Да этот жирный сыроглот и сам хорош! Сколько раз ему говорил — держи себя в руках, так нет!.. На рынке унюхал какой-то местный сыр и проглотил в один миг фунтов семь! А денег заплатить за сыр и за разгром нет ни у него, ни у меня. И загремели мы оба в полицию!.. Ещё слава богу, что мне разрешили связаться по рации с Мухаммедом, местным самолётным механиком, моим приятелем, — он дал мне займы... И то еле выкрутились!..

Гайка прыснула.

— Да, приключеньце было то ещё... — отец виновато развёл руками. — Но, что б ни случилось, а Рокки всё равно останется моим другом. (Только пусть сначала что-то сделает с этими своими приступами сырности, будь ни неладны, к доктору, что ли какому сходит...) А знаешь, сколько раз они меня выручал! Сколько раз летал вместо меня, когда я то болел сам, то сидел с твоей мамой в больнице... Он ведь и познакомил нас с ней — помнишь?

И встал со стула, и протянул руку:

— Что, болт заклинил и не откручивается? А ну-ка...

На худощавой руке отца вздулись бугры мускулов. Раз — и заклинивший болт повернулся.

— Ну, вот и всё!..

— Спасибо, папа.

— Труженица моя...

Его ладони пахли машинным маслом.

— Без друзей — никуда, доченька. Одной тебе будет трудно...

— Но, папа, звери от меня шарахаются, считают ненормальной... А Родж вообще всем говорит, что я больная и скоро выйду замуж за трансформатор!..

Его жёсткие усы легонько кольнули её поникшее ушко.

— Значит, ты ещё не нашла хороших друзей. Но найдёшь — уж это обязательно случится! Лишь не отталкивай их от себя. А если и случайно поссоритесь — прости их. Умей прощать друзей — и они не бросят тебя в трудную минуту...

Маленький робот-клоун неслышно подкатился, протянул короткие ручки:

— Привет-привет! Как дела? Давай дружить!

Днём ранее. Поздний вечер. Остров Каменный

За один день Рокфор постарел, казалось, лет на двадцать. Лицо покрыли глубокие морщины; в огненно-рыжей шевелюре поблёскивали седые волосы.

— Зачем пришла? — устало поинтересовался он у вошедшей Гаечки.

Лежавший на кровати Чип вздрогнул, едва слышно простонал. Австралиец тяжело поднялся со скрипнувшего табурета, поправил повязку на его голове, подоткнул одеяло.

Мышка нерешительно переступила с ноги на ногу. Тихо сказала:

— Я... я...

— Что — ты?.. — Рокфор сел, вернее, упал на табурет. — Что — ты?! Видишь, что — ты?! — и указал на распростёртого на кровати бурундука.

— Но... я... я...

— Не разбуди парней, — бросил силач. И замолчал.

Дейл и Эд спали прямо на полу, постелив тощий застиранный матрац (один его угол прорвался; наружу торчал пук сухих водорослей). Вжик пристроился на спинке кровати.

Мышка несмело шагнула к Чипу. Остановилась, сделала шаг назад.

— Но я не хотела... Это случайно... — прошептала она.

Рокфор молчал, отвернувшись.

— Я... я пойду...

Рокфор молчал.

Осторожно, чтобы не скрипнуть дверью, Гайка вышла наружу. Туман уже рассеялся, и с очистившегося от туч неба равнодушно смотрели ледяные звёзды.

— Куда мне идти?..

Ангар на ночь не запирался. Гайка с трудом открыла скрипучие ворота, проскользнула внутрь, подождала, пока глаза не привыкнут к густому сумраку.

В углу она заметила кусок поролона и несколько пустых мешков. Быстро соорудила из всего этого импровизированную постель, легла, укрылась мешками, попыталась согреться.

В ангаре сильно пахло смазкой и нагретым металлом. Совсем как в старом самолёте, что когда-то давным-давно был её домом...

Нет уже этого самолёта. Люди уже несколько лет назад распилили его и увезли на металлолом.

"Куда мне идти?.."

Никуда идти не хотелось. Вообще ей больше ничего не хотелось. Будто не выдержала невзгод и лопнула с едва слышным звоном приводившая её в движение тонкая стальная пружинка...

Несколькими годами ранее. Кладбище самолётов

Бум! Бум! Бум! Бум!

— Мистер Гаечный Ключ! Мистер Гаечный Ключ!

Двигаясь механически, как робот, Гайка подошла к входу. Повернула ручку, открыла дверь, впуская в самолёт душную предгрозовую сырость.

— Мистер... ой!.. мисс Гаечный Ключ! Не желаете посмотреть новую линию кухонной утвари? Подождите, подождите — сначала взгляните!

Махая длинными руками, как ветряная мельница лопастями, Гульельмо Пирелли открыл склеенный из пластика сундучок. С ловкостью циркового фокусника извлёк из него десятка два разнокалиберных плошек и чашек, выстроил из них на широкой костлявой ладони целую пирамиду.

— Дешёвая и удобная посуда от всемирно известной фирмы "Стронг". Не бьётся, не ломается, служит веками! Хе-хе, вы ещё своим детям её завещаете!..

— Хватит!

Гаечка сорвалась на крик.

— Отстаньте! Отстаньте от меня, проклятые торгоши!!!

И захлопнула дверь; несмазанные петли жалобно пискнули.

— Отстаньте от меня все!..

Пирелли, похоже, не ожидали этого. Стукнули в дверь ещё пару раз, уже как-то несмело, и затихли. А секунду спустя их расхлябанная таратайка загремела по кочкам и вскоре стихла вдалеке.

Мышка постояла пару секунд на месте, принимая решение. Порывисто метнулась в салон самолёта, схватила первые попавшиеся под руку железки — тяжёлый болт и остро отточенный обломок человеческого ножа, — тут же отшвырнула их, бросилась к столу, придвинула лежавший там клочок бумаги и кусок карандаша и принялась набрасывать чертёж.

Эти торговцы не отстанут от неё. Значит...

Значит, понадобятся ловушки. Страшные, смертоносные, которые навсегда избавят её от непрошенных посетителей.

Которые никому не позволят нарушить её одиночество...

Настоящее время. Остров Каменный

Спираль пристроенного в углу электрического нагревателя раскалилась докрасна. Мышка захлопнула дверь и с наслаждением ощутила, как животворное тепло прогоняет сырой промозглый озноб.

В кабачке было ещё теснее, чем вчера. Канадские моряки пили и гуляли.

— Наливай, голый кумпол, не жалея! — хрипел окутанный табачным дымом щетинистый боцман с помятой дудкой на шее.

— И мне! — густым басом бухнул толстый шкипер в видавшей виды фуражке и вязаной фуфайке.

— И мне!

— И мне!

Дьюла, недовольно пыхтя, наполнил рюмки вином.

— Ну, за здоровье!

Послышалось бульканье нескольких лужёных глоток.

— Ух! — боцман стукнул рюмкой о стойку, выпустил из кривой трубки клуб дыма. — Забирает твоё вишнёвое, ох, забирает!..

И, заметив Гайку, присвистнул:

— Фьють! Какая красotka!.. Идите к нам, мисс!

— Идите, не бойтесь! — шкипер махнул рукой. — Выпьете с нами? Бармен, лучшего пива мне и моей команде!

Пенный напиток с шумом заструился из бочки в тяжёлую стеклянную кружку.

— Нет, спасибо... — едва слышно пролепетала девушка-мышка. — Я на минутку... только погреться...

Она пристроилась на стуле с краешку барной стойки. Отогнала ручкой приплывший со стороны боцмана очередной клуб дыма.

— Вы оба эти дня сама не своя, мисс... — невесело покачал головой Дьюла, споласкивая рюмку в лоханке. — Налить вам кофейку? На улице-то холодно...

— Да, пожалуйста... — и Гайка зашарила в кармане.

Немолодой бармен мягко улыбнулся.

— Оставьте свои бусины при себе, — и подмигнул. — Я уж как-нибудь не обеднею!..

А канадцы уже, гулко булькая, ополовинили кружки. Долговязый канадец-матрос степенно отёр усы.

— Предлагаю тост, — важно возвестил он. — За красивых дам, которые ждут дома нас, морских бродяг!

— Какой ты морской бродяга, Том! — рассмеялся боцман. — Ты моря и не нюхал!..

Наполненные кружки со звоном сдвинулись, густая пена плеснулась на пол.

Другой матрос, невысокий, уже совсем старый, с пышной гривой седых волос, внимательно посмотрел на притихшую мышку.

— Вот смотрю на вас, мисс, и вижу, что у вас в жизни не всё гладко, — вздохнул он. — Что ж с вами приключилось? Парень обидел?

Гайка смутилась.

— Нет-нет, что вы!.. Просто... небольшие неприятности... ничего страшного!..

Матрос глянул куда-то мимо неё. Опять вздохнул, потёр ладонью морщинистый лоб.

— Ну, дай-то бог, чтобы всё образовалось у вас, девушка!.. Вы пейте кофе-то! Говорят, помогает от колик в желудке...

Гайка взяла поставленную Дьюлой чашку, вдохнула бодрящий горьковатый аромат.

— Всё образуется, мисс! — загромыхал слышавший их разговор шкипер. — Ещё никогда такого не было, чтоб какая невзгода длилась вечно.

Канадцы одобрительно зашумели.

— Эй, смолокуры! — гаркнул шкипер — будто пушка выстрелила. — Хватит дымить! Девушку задушите своей отравой! — и продолжал уже потише: — Вы из местных, из деревенских? А то сколько раз уже бывал на этом островке — и ни разу вас раньше не видел...

Гайка замотала головой.

— Не местная, значит... А-а-а, вы с того самолёта, что сломался!.. Ого! Летаете, значит, на самолёте? Пилот? Вот так так!.. И в жизни бы не подумал, что такая молоденькая девушка — и вдруг настоящий пилот. Это сколько же всего знать нужно!.. У-у-у!.. Да-а-а... Интересная, наверно, у вас работа...

Несколькими годами ранее. Кладбище самолётов

— Интересная, наверно, у вас работа... — с нескрываемой завистью проговорил Гульельмо Пирелли, пряча деньги в карман. — Ну, спасибо за покупку, до свидания!

Гиго проводил взглядом удаляющуюся тележку торговцев. Покачал головой, рассматривая покупку — ярко-красную гавайку, усеянную аляповатыми жёлтыми цветочками.

— Вот ведь пропасть... — сокрушённо буркнул он. — Всё-таки всучили чёрт знает что... Какой же уважающий зверь напялит на себя эту тряпку!..

Не переставая ворчать, он аккуратно повесил рубашку в шкафчик. Подошёл к столу, за которым корпела над электрической схемой Гаечка, погладил её по голове. Подхватил яркий проспектик Калифорнийского звериного университета в Лос-Анджелесе, пришедший сегодня по почте.

— Ну, что, надумала поступать?

Изобретательница дёрнула плечиком:

— Да ну их!.. Не хочу.

— Вот как? — рыжие брови отца удивлённо поползли вверх. — Почему же?

— Не хочу уезжать отсюда. Мне хорошо здесь, с тобой.

Гиго улыбнулся. Поставил рядом табурет, присел рядом.

— Тебе надо учиться, доченька, — мягко заговорил он. — Не бери пример со своего папашин-олуха... Я всю жизнь жалею, что не закончил университет в своё время. Мне до всего пришлось доходить самому...

— Но я могу учиться самостоятельно, — возразила Гайка, следя за стрелкой тестера. — Я практически освоила аэродинамику, металловедение и радиоэлектронику по книгам, что ты подарил мне на день рождения. И, папа, я никуда не хочу уезжать!

Отец придвинулся ещё ближе. Мягко обнял дочку.

— Разве ты не хочешь посмотреть мир? Познакомиться с другими зверьми, найти добрых друзей и, кто знает, может, и своего суженого? Плохо сидеть сиднем на одном месте, плохо, скучно и тоскливо... Ты будто запираешь сама себя в клетку и выбрасываешь ключ от неё...

Настоящее время. Остров Каменный

— Кх-кх-кхы-ы-ы!

Боцман наконец-то прокашлялся. Встал в героическую позу, поднял сжатый кулак, разинул рот.

Гайка, хоть и сидевшая довольно далеко от него, постаралась отодвинуться ещё дальше. Бог знает, что за песни у этого типа...

Но "тип" совсем неожиданно для окружающих запел вот что:

Серые глаза. И вот —
Доски мокрого причала...
Дождь ли? Слезы ли? Прощанье.
И отходит пароход.
Нашей юности года...
Вера и надежда? Да —
Пой молитву всех влюблённых:
"Любим? Значит — навсегда!"¹

Собравшиеся в кабаке притихли. Шкипер, набычившись, глядел куда-то в пространство, постукивая ногтем по кружке. Местные моряки, сгрудившиеся за тем же столиком у двери, тоже пригостились. А Дьюла всё тёр и тёр тряпкой рюмку; кажется, в уголке его глаза блеснула слезинка.

Боцман допел и припал к кружке. А долгоязыый Том вполголоса проговорил:

— Да-а-а... Любовь — это штука такая...

— Да знаем, какая любовь у вашего Лестера, — отозвался кто-то из деревенских. — Жена, по-ди, до сих пор колотит его сковородкой почём зря!

Грянул дружный хохот. Боцман покраснел и стушевался.

— Ну, будет вам, парни, будет!.. — пришёл ему на помощь шкипер. — Лес, а давай нашу, флотскую!

Лес так же внушительно прочистил горло.

Мы жемчугов и слитков
Не возим никогда,
Но стоят нам товары
И пота, и труда.²

Мало-помалу песню подхватили сначала его соотечественники, а потом и все собравшиеся в кабаке. Охрипшие от ледяного озёрного ветра голоса зазвучали в тесноватом помещении внушительно и грозно.

Да, мы не раз встречали

¹ Стихотворение Дж. Р. Киплинга "Молитва влюблённых" в переводе В. Бетаки.

² Стихотворение Дж. Р. Киплинга "Купцы" в переводе А. Оношкевич-Яцына.

На северных морях
Безмолвный призрак шхуны,
Всех китобоев страх.

— Подпевайте, мисс! — подмигнул мышке Том.

Но Гаечка так и не решилась вплести свой чистый голосок в этот суровый хор. Она не имела права вторгаться в их жизнь. Изгнанная друзьями, она знала теперь лишь один путь — в магический туман, где живут призраки, где плывут в бесконечность старые корабли, откуда так и не вернулся навсегда унёсший её отца гидроплан...

— Третий тост — за торговый флот Её величества Звериной королевы Великобритании! — загремел шкипер. — Как-никак, по закону мы всё-таки британцы³...

Канадцы чинно встали, подняли кружки.

— Ух, хорошее пиво!.. — боцман утёр губы. — Эй, бармен, проснись и налей ещё!

— Сколько времени? — спросил кто-то.

Сразу несколько голосов ответили ему.

— Да уже двенадцатый час.

— Час призраков!

— Старый Фред уже, наверно, стоит на причале...

— Ждёт свою зазнобушку...

Гайка вскинулась. Быстро допила кофе.

— Куда вы, мисс?.. — бросил ей в спину старый матрос.

Настоящее время. Часом ранее. Остров Каменный

Рокфор как-то умудрялся спать прямо на табурете. Скрючился, едва не уткнувшись носом в колени, свесил усы и храпел на всю хижину. На его голове, чудом удерживаясь, прикорнул Вжик. На постеленном на полу матраце тихо посапывали Дейл и Эд.

Тихо-тихо, чтобы не разбудить их, мышка прошла к кровати. Склонилась над неподвижным Чипом, погладила его по руке, на мгновение сжала неподвижную ладонь.

— Чип...

Командир Спасателей её не слышал. Продолжал пребывать в беспамятстве, едва слышно дыша.

Мышка коснулась повязки на его голове. Вдохнула резкий запах лесных трав, из которых была сварена припарка. Отбросила слипшиеся от пота волосы с бледного лица бурундука.

— Прощай...

³ Канада входит в состав Содружества наций.

Она уже всё решила. Твёрдо и окончательно.

Пути назад не было. Её изгнали, изгнали с позором. Ей не было места в отряде — неудачливой изобретательнице, создательнице никому не нужных машин и механизмов, которые вечно ломались и вечно грозили её друзьям опасностью...

— Прощай, Чип! Выздоровливай поскорее. Не ссорься с Дейлом — ведь он твой самый лучший друг. Следи за Рокфором, не позволяй ему есть слишком много сыра. Не давай в обиду Вжика — он самый маленький и самый слабый из Спасателей...

Дейл во сне замычал, заворочался. Наверно, ему опять приснился какой-нибудь киномонстр...

— Вы скоро вернётесь домой, — продолжала девушка, нежно глядя раненого. — Продолжите своё дело. Будете спасать зверей, попавших в беду, бороться со злодеями. Станете настоящими героями. Прославитесь. Все звери, от Миннесоты до Флориды, будут знать Спасателей... Только не отталкивайте тех, кто нуждается в помощи, как не оттолкнули когда-то Птича⁴... как не оттолкнули когда-то меня⁵...

И, с усилием, будто разрывая все нити, связывающие её со счастливым прошлым, тихо-тихо произнесла самые последние слова:

— А меня забудьте! Зачем я вам, если мои изобретения не работают!.. Я уйду... навсегда... Я вернусь к отцу... и мы будем вдвоём, как раньше...

Несколькими годами ранее. Кладбище самолётов

Занудно, словно комар, заныла рация. Гиго со вздохом поднялся с табурета.

— Не иначе, с работы... — пробормотал он. — Чего у них там опять стряслось?..

Он прижал к уху маленький наушник, сжал микрофон. Нахмурился.

— Да?.. Привет начальству! Что? Всё готово? Зденек сделал пару кругов над аэродромом?.. Уже?! И что он говорит? Работает как часы... На старой конструкции двигателя? Хм... Ну, меня не спрашивай — я лишь самоучка; Джеки-то учился на конструктора, ему виднее... А что Кёрт говорит? Управление налажено... Це добре!

Гаечка прыснула — её отец опять перешёл на жуткий техасский выговор, от которого никак не мог избавиться.

— Что? — продолжал тем временем Гиго. — Главные испытания? Прямо сейчас? А что за спешка-то?.. Заказчики требуют?.. Ну ладно, скоро буду. Отбой.

Он со вздохом отложил микрофон и наушник. С озабоченным видом снял с вешалки шлем, оглядел его, поскрёб когтем, сдирая приставшую грязь.

— Начальство вызывает, — виновато сказал он. — Прямо сейчас. Полечу испытывать новый самолёт.

— Тот самый? — сразу поняла мышка.

⁴ См. эпизод "Птицефабрика" ("Pie in the sky").

⁵ Гайка имеет в виду события, происходившие в эпизоде "Культь ку-ку-колы" ("The case of the Cola cult").

— А то ещё какой же... — прославленный лётчик достал из гардероба куртку. — Реактивный гидроплан "Ультра-Флайт Сигулл". Полечу на нём на север, через всю страну, аж до самой Канады.

— Надолго?

— Дня три — не меньше. Надо всё проверить как следует.

Гаечка приуныла. Склонила головку, ковырнула отвёрткой переменный резистор.

— Опять...

Отец улыбнулся в густые усы.

— Всего три дня, девочка моя... Зато потом выхлопочу наконец отпуск. И пусть Гарри только попробует не отпустить меня! И...

Он немного помолчал. Подошёл, склонился, покрытой мозолями рукой приподнял её голову, поцеловал в лоб.

— Ты всё-таки подумай насчёт университета, хорошо? Тебе надо учиться, доченька. Тебе пора начинать свою собственную жизнь. Не всё же сидеть сиднем под отцовским крылышком...

Мышка промолчала, не отрываясь от шкалы прибора.

— Ну, а если у тебя что не заладится, — покладисто сказал Гиго, — то ты всегда сможешь вернуться ко мне. Будем вдвоём, как раньше...

Последний поцелуй, последнее прикосновение отцовской руки, последняя нежная улыбка.

Гаечка осталась одна...

Настоящее время. Часом ранее. Остров Каменный

*Счастливы умершие в колыбели: они познали только материнские поцелуи, только материнские улыбки...
(Франсуа-Рене де Шатобриан, "Атала".)*

Гаечка осталась одна.

Она плотно прикрыла дверь в хижину добряка Эда. На улице холодно, а Чип так слаб; не хватало ему ещё и простудиться...

Густые хлопья тумана плыли над притихшими домами, над сонно лепечущей что-то травой, над извивающейся среди зарослей тропинкой. Лёгкий ветерок доносил мерный плеск волн.

Великие озёра спали, грезя затонувшими кораблями и пропавшими самолётами...

— Папа... — прошептала она, унимая быстро бьющееся сердечко. — Подожди немного... Я иду к тебе...

Настоящее время. Остров Каменный

— Отгадай загадку, боцман! — длинный Том поудобнее уселся на стуле. — Идут два пьяных зверя: один — углежог, другой — мусорщик. Как ты догадаешься, кто из них кто?

Боцман глубокомысленно поднял глаза к потолку, завертел хвостом, заскрёб нестриженными когтями щетину на подбородке.

— Сдаюсь, парень... Ну, говори отгадку!

— Углежог пьян в дым, а мусорщик пьян в хлам! — заорал торжествующий матрос.

И — на весь кабачок:

— Га-га-га!!!

Плотная дверь отрезала оглушительный хохот подгулявших зверей. Мышка осталась на улице в темноте и тишине.

Скорее на причал! Доски пружинят под ногами, крошечная лампочка цедит тусклый свет, едва разгоняющий серую пелену тумана. Высокая чёрная фигура стоит неподалёку — Фрэнк пришёл повидаться со своей погибшей возлюбленной.

Вдоль причала проплывает призрачный корабль — четырёхмачтовая шхуна, длинная-предлинная, гружёная сваленными прямо на палубе металлическими трубами. Молодой шкипер самолично стоит у штурвала, смотрит на карту, постукивает пальцем по компасу. Завидев изобретательницу, резко вскидывает руку к белоснежной фуражке, отдаёт честь.

Низко, над самой водой, пролетает старинный самолёт, похожий на сделанного из проволоки и бумаги воздушного змея. Скрученная резинка приводит в движение длинный винт; из-под брюха высовываются разлапистые опоры шасси с большими, похоже, велосипедными, колёсами. Завидев мышку, сидящий на прикрученном к раме стуле лётчик резко вскидывает руку к шлему, отдаёт честь.

Резво плюхает вёрткий двухмачтовый люгер. Флага на нём нет — неужели пираты? Разношёрстная команда самого бандитского вида: вязаные фуфайки, пёстрые платки на нечёсаных головах, кривые сабли на поясах. Завидев Гайку, толстый одноглазый капитан с лихим видом вскидывает к драной шляпе руку, отдаёт честь.

Сердце девушки колотится всё быстрее и быстрее. Задыхаясь, она всматривается в туманную пелену, ища тот самый самолёт.

— Здравствуй, дочка!

На стремительно-длинном фюзеляже горит золотом эмблема "Ультра-Флайт". Под фюзеляжем — укреплённая на пилонах труба двигателя с широким соплом; из сопла бесшумно вырывается призрачно-синяя струя. Фонарь кабины откинут; пилот, привстав с сиденья, пристально смотрит на неё ясными голубыми глазами.

— Папа!..

Двигатель выключается. Гидроплан застывает у причала. Гиго выбирается из кабины, расставив ноги для устойчивости, встаёт на треугольное крыло.

— Доченька моя!..

— Папа...

Обычно привидения бесплотны. Их нельзя потрогать, им нельзя пожать руку, их нельзя обнять. Но Великие озёра хоть изредка, но бывают милосердны...

Отцовская рука тверда и мозолиста. В его широкой ладони тонет крошечная ладошка Гаечки.

— Гаечка... Доченька моя... Мышка моя маленькая...

— Папа... Папочка...

Отец плачет, не скрывая слёз. Слёзы сбегают по морщинистым щекам и тонут в густых усах.

— Папа... папа... Ты сказал тогда... ну-у-у... когда улетел... что я могу вернуться к тебе... — мышкин голос дрогнул. — Я вернулась...

Отец тепло смотрит на неё. Совсем как тогда, в далёком детстве...

— Я хочу к тебе! — голос Гайки зазвенел, как туго натянутая струна. — Ты говорил, что, если у меня ничего не получится, я могу вернуться. Я вернулась, папа! Я пришла к тебе!

Она больше не чувствует холода. Будто уже не принадлежит этому сырому промозглому миру, будто уже переступила невидимую грань, отделяющую живых от ушедших...

Будто уже стала одним из этих привидений, нашедших последний покой в глубоких водах Великих озёр...

Всего один шаг! Единственный шаг за край потемневших от времени, набухших от влаги досок причала в чёрную, вечно волнующуюся воду. Последний шаг за ту самую грань...

Отец выжидающе смотрел на неё.

И Гаечка порывисто, боясь передумать, шагает к нему...

— Нет!

Сильная рука хватает её за одежду.

— Не надо!

Это был Чип.

Он всё ещё был мертвенно-бледен и едва держался на ногах. Повязка на его голове сбилась; на белой коже чернел жуткий шрам. Хриплое дыхание вырывалось из его груди.

— Не надо, Гаечка, не надо... — только и смог вымолвить он.

Силы изменили бурундуку. Он резко, как набитый солью мешок, рухнул на причал, испустив жалобный стон. Голова стукнулась о доски.

Мышка бросилась к нему.

— Чип! Чип! Очнись! — сквозь слёзы прокричала она.

Гигососкочил на причал. Присел, ладонью провёл по лбу Чипа, кажется, прошептал что-то.

Чип открыл глаза. Улыбнулся и тотчас сморщился от боли.

— Гайка...

— Чип!..

А по причалу уже топал — бум! бум! бум! — всклокоченный Рокфор. За ним нёсся Дейл; красная рубаха развевалась на ветру.

Зелёной капелькой упал с неба Вжик, прильнул к щеке Чипа, поцеловал, запищал, размазывая слезинки. Взмыл в воздух, от радости выписал мёртвую петлю и кинулся обнимать изобретательницу.

— Гаечка! — трубно ревел австралиец. — Погоди! Ох... Не надо... не надо... Да что ж ты удумала, дурёха!.. Тьфу! Ох... ох... уморите вы меня, молодёжь... фу-у-у!.. своими закидонами...

Что тут началось!.. Рокки то смеялся, то плакал, то принимался целовать Гайку, то ругал её на все корки. Дейл голосил на всю деревню, обильно поливал слезами Чипа, обнимал, тормозил мышку, даже умудрился чмокнуть её в щёку, прежде чем она успела что-либо сообразить.

— Что ж ты удумала, милая! — выл Рокфор. — Господи боже мой!.. Зачем? Зачем ты это?! О-хо-хо... Просыпаюсь, как от хорошего тычка под бок, смотрю — а наш командир, чуть живой, уже выбегает в дверь. Я аж обалдел! А потом, кое-как очухавшись, растолкал Дейла и Вжика, и мы рванули за ним. Думаем — что это с ним, чего это он надумал прогуляться ночью, да ещё едва живой!.. Бежим, бежим, смотрим — а ты стоишь тут, на самом краю и уже собралась прыгать в воду! О-о-о... у меня аж сердце остановилось...

Он схватился за сердце, несколько секунд громко дышал — будто работал кузнечный мех.

— Прости, Гаечка, — сказал наконец он. — Прости, милая, нас, дураков, что прогоняли тебя...

— Прости меня, Гаечка... — всхлипнул Дейл и утёр нос рукавом.

— Прости, — пискнул Вжик и погладил её ручками по щеке.

— Прости... — едва слышно выдохнул Чип.

Гиги тепло смотрел на них.

— Глазам своим не верю... — Рокфор отвесил челюсть. — Старина Гиги... Но как?.. как?.. Ты же... того... этого...

Погибший лётчик хлопнул его по плечу, подмигнул. Присел, помог подняться Чипу (с другой стороны его тотчас подхватил Дейл). И подошёл к мышке.

— Гаечка... — тихо сказал он.

Гаечка вскинула ушки.

Гиги говорил несколько минут — тихо-тихо, чтобы не слышали остальные. О дружбе, о вражде, о странных стечениях судьбы, сталкивающих совершенно непохожих зверей друг с другом, о таинственной силе, заставляющих их тянуться друг к другу, о других силах, злых и жестоких, пытающихся оторвать их друг от друга, и о совершенно обыденных происшествиях, которые могут навсегда разорвать протянувшуюся между ними связь. О чёрной тоске одиночества, о пустых днях и тягучих ночах, в которых проходит жизнь одинокого, никогда не имевшего друзей зверя, о чёрст-

вых сердцах, не способных испытывать ни привязанности, ни любви. О доброте, о нежности, о прощении, без которых невозможна настоящая дружба.

— Умей прощать друзей, — говорил он. — Не отталкивай их от себя.

Кажется, услышавший это Дейл хлюпнул носом.

— Прости нас, Гаечка... — сказал он ещё раз.

Гиго говорил о жизни: о ярком летнем солнце, о распускающихся цветах, о синем-синем небе, прочерчиваемом летучими стрелами самолётов, о весёлом дождике, чьи капли выбивают из лужиц крохотные серебряные короны, о зимнем снеге, наваливающимся высоченными сугробами, с которых так весело скатываться на лыжах, о хмурой осени, вечно льющей безвкусные слёзы, о румяной весне, когда на голых ветках распускаются первые липкие, едко пахнущие листочки, а снежные сугробы тают, превращаясь в шумные говорливые ручейки. Гиго говорил о мире: о солнечной Калифорнии, о суровой Неваде, о жарком Техасе, откуда он был родом, о пышной Флориде, о суетливом, вечно погруженном в свои дела Нью-Йорке, о продутом всеми ветрами Иллинойсе, где родилась её мама. Гиго говорил о работе: об умных механизмах, о могучих машинах, о стремительных самолётах, в клочья рвущих гроззовые тучи своими винтами, о смелых кораблях, прокладывающих пути в океане, о ревущих моторах, дающих силу и движение, о сложных расчётах, без которых в инженерном деле никуда, и о невыразимой радости, когда собранная твоими собственными руками машина наконец-то работает как надо. Гиго говорил о праздниках: уютном Рождестве с веточками хвои в человеческих стаканах, украшенными немудрящими игрушками, и неизменных подарках, о негромком, но таком радостном Дне труда, о пасхе со спрятанными в закоулках пасхальными яйцами, которые — вот незадача! — ему в детстве никак не удавалось найти, и о Дне независимости, когда звери выезжают за город на пикники, а вечером в темнеющем небе расцветают гроззовые гроздьё фейерверков.

— Помнишь, как ты в пять лет взорвала самодельную петарду? — с улыбкой спросил он. — Ну чисто полковая гаубица загремела!.. Я тогда чуть не оглох...

Гиго говорил о смерти: о бесконечном пространстве, полном душ умерших, о серых тенях, которыми представляется для них мир живых, и о гулкой пустоте, в которой пребывают все оставившие мир живых раньше времени.

— Не спеши к нам, доченька... — умолял он. — Здесь нет ничего хорошего — поверь мне!..

Гаечка согласно кивала.

Напоследок Гиго немного помолчал, собираясь с мыслями. И вдруг сказал:

— У вас сломался самолёт? Сгорели оба двигателя, а новые взять негде? Это дело поправимое, — и подмигнул лукаво. — Я, конечно, самоучка, но неплохо знаю инженерное дело. Слушай...

Он склонился к самому её ушку и быстро зашептал. И по мере того как он шептал, мышьино личико становилось всё светлее и светлее.

— А теперь — прощай! Живи счастливо, девочка моя!..

Он ступил на крыло. Взмахнул рукой, легко прыгнул в кабину. Щелчок — фонарь закрылся. Заработал двигатель, выпустив струю призрачного пламени; самолёт легко сорвался с места, развернулся и, рассекая поплатками волны, скрылся в тумане.

Стало тихо, только легко шумела вода.

— Ну что, пошли, что ли... — как-то неловко пробасил Рокфор.

— Пошли... — выдохнула мышка.

Возвращаясь, они увидели Фрэнка. Старый крыс навзничь лежал на досках; его неподвижные синие глаза умиротворённо смотрели в затянутое тучами небо. Он был мёртв.

В темноте Спасатели заметили быстро уходящее прочь судно. Это был обычный озёрный бриг с двумя мачтами, полотнищами прямоугольных парусов и высокими бортами, из-за которых едва виднелась приземистая кормовая каюта.

На корме едва угадывались две звериные фигуры: мужская и женская. Обе высокие, с длинными седыми волосами, в широких непромокаемых плащах — обычной одежде местных моряков.

Туман быстро рассеивался...

Следующий день. Над озером Мичиган

— Да-а-а... — Рокки огладил усы. — Думал, уж и не увижу старину Гиго... А оно вон как вышло... Чудны дела твои, господи, ох, чудны!..

Сидевший рядом с ним на заднем сиденье Дейл приподнялся, нетерпеливо сунул носом:

— Скоро прилетим?

Чип аккуратно развернул карту.

— Скоро, скоро... Гаечка, не пора ли включать двигатели?

Мышка постучала коготком по альтиметру.

— Пора, Чип. Спасибо, что напомнил!

Она дёрнула рычаг, открывающий клапаны. Размолотая в порошок перекись водорода из укрепленного на фюзеляже резервуара посыпалась в пристроенный на хвосте импровизированный реактивный двигатель, сделанный из обрезка прочной трубы. Одновременно из другого резервуара туда же хлынула вода.

Ба-бах! Пшшшшш!

Струя горячего газа вырвалась из сопла с такой силой, что Спасателей вдавило в кресла перегрузкой.

— О-хо-хо! Староват я для таких полётов... — с трудом пропыхтел австралиец.

— Йи-и-и-иха! — верещал довольный Дейл.

А Гаечка пустилась в объяснения:

— Перекись водорода в присутствии меди активно реагирует с водой, вследствие чего выделяется большое количество тепла, превращающего воду в кипяток. При этом также выделяется кислород, смешивающийся с водяным паром. Образовавшаяся смесь, называемая парогазом, вырывается из сопла и тем самым создаёт реактивную тягу. Такие двигатели, кстати, применялись ещё во времена Последней войны на катерах, подводных лодках и даже на тяжёлых транспортных самолётах.

— И работали без проблем! — подхватил командир Спасателей и рассмеялся.

Чип уже полностью оправился от раны, даже снял повязку. Похоже, сваренное деревенским доктором травяное снадобье и впрямь было чудодейственным. Сейчас он внимательно изучал карту, следил за компасом и время от времени подавал указания прелестной пилотессе:

— Немного левее. Стоп. Так держать!

— Есть так держать! — лихо откликнулась мышка.

У неё из головы не шли события последних двух дней, проведённых ими на острове Каменном. Какие странные дела иной раз происходят на белом свете; какие странные силы действуют в нём...

Час призраков. Час, когда умершие возвращаются к живым, когда живые получают шанс повидаться с умершими, переосмыслить свою жизнь и либо присоединиться к умершим, либо удержать друзей от рокового шага.

Час, чтобы сделать выбор...

Гаечкины друзья его сделали. Именно поэтому она теперь сидит с ними в стареньком, выдавшем виды самолётике под названием "Крыло", который держит путь в Чикаго, а оттуда, после замены двигателей, домой, в Лос-Анджелес, где их ждёт любимый штаб и новые дела.

Папа был тысячу раз прав. Хорошо, что у неё есть друзья...

Гайка вспомнила ту роковую ночь, когда пришла весть о гибели отца. Всё-таки нехорошо она поступила с семьёй Пирелли, безобидными торговцами, с трудом сводящими концы с концами... Надо бы разыскать их и проведать. Конечно, сделать это будет непросто — ведь кто знает, куда их занесла судьба... Но Спасатели — все вместе! — обязательно справятся.

И надо будет найти того игрушечного клоуна — он ведь до сих пор валяется где-то в закоулках её мастерской — и починить. Пусть катается на колёсиках по штабу и протягивает к каждому встреченному коротенькие смешные ручки: "Привет-привет! Как дела? Давай дружить!..."

И ещё она обязательно попросит прощения у друзей и поклянется никогда-никогда больше не проверять на них свои изобретения. И ещё... и ещё всё-таки нужно будет подумать об увеличении мощности двигателей "Крыла", но не торопясь, обстоятельно, взвешивая каждый шаг и, разумеется, после тщательнейших испытаний...

— Наша Гайка — изобретательница хоть куда! — довольный Рокфор сложил руки на пухлом животе. — Что ей стоит починить какой-то деревенский ветряк!

— А островитяне на радостях отдали нам весь запас перекиси водорода, — подхватил улыбающийся Чип. — А Гиго подсказал удачную конструкцию реактивного двигателя. А Эд помог его сделать.

— А Вжик нашёл хорошую прочную трубу, — силач подмигнул своему маленькому зелёному другу. — А его приятели, лесные жуки, насобирали нам прелюбопытнейшей клюквы. Можно будет сварить клюквенный соус; к острому сыру — самое то!

Счастливая Гаечка слушала друзей...

И показалось ей, что летит перед ней призрачный гидросамолёт. На стремительно-длинном фюзеляже золотом горит эмблема "Ультра-Флайт"; треугольные крылья рассекают встречный воздух; из широкого сопла вырывается струя призрачного пламени.

— Папа... — прошептали губы девушки-мышки.

Будто услышав её, самолёт качнул крыльями. Прибавил газу и резко, свечкой, ушёл вверх.

— Спасибо тебе, папа...

На горизонте вставали белые небоскрёбы Чикаго.

Январь-февраль 2015 года.